

Раздел 1. Древнерусская литература и фольклор: образная система и жанр

К. В. Зубко

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Верность и предательство в православных гомилиях о распятии Христа

Аннотация. Статья посвящена анализу ранее не опубликованного памятника русской литературы – проповеди о погребении Сына Божия и верности Иосифа Аримафейского из рукописного сборника «Статир» (XVII в.) в сравнении со Словом Кирилла Туровского на ту же тему (XII в.) и Евангелия учительного 1633 г. Цель – уловить в развитии текстов разнообразие проблем верности и предательства, их воплощение в художественных образах, раскрыть авторское отношение, выраженное в поэтике произведения.

Ключевые слова: верность, предательство, проповедь, подвиг, древнерусская литература.

«...устаами своими говорят с ближним своим дружелюбно,
а в сердце своем строят ему ковы»
Иеремия, пророк (гл. 9: 8)

Верность как этическая ценность для русского Средневековья соотносится с конфессиональным понятием веры¹. Утверждается взаимосвязь, что, кто верует, тот и верен, и, напротив, кто не верует, тот и неверен. Неотъемлемость этого качества в истинно верующем человеке предопределяется убеждением, что оно присуще природе Бога «У Бога нет изменения и ни тени перемены» [Иак. 1:17]. Ожидается, что сотворенный по его образу и подобию человек должен обладать этим же качеством, что ведет его по пути спасения.

Специальных исследований развития феномена предательства и противопоставленной ему категории верности, представленной в памятниках письменности разных веков как средневекового, так и современного сообщества не проводилось. Это выявляет актуальность изучения понятий «верности» и «предательства» и специфику сюжетно-образного воплощения, в ряде памятников гомилетики различного времени, где эти понятия подробно описываются. По христианским представлениям, верность – это не разовый подвиг, не сиюминутное стремление, а скорее состояние души человека, проявляющееся в мыслях и делах, как великих, так и каждодневных. Неверность лишает человека возможности получить Божье благословение, становится причиной поражений, толкает к греху предательства. Одно из главных проявлений неверности в христианстве – грехопадение первых людей, которое трактуется Отцами церкви как измена замыслу Бога. Нарушение запрета, который Бог установил для Адама и Евы в раю, – не вкушать плоды от дерева познания Добра и Зла с целью уберечь человека от разочарований и сомнений, – стало проявлением неверия в божественную премудрость и благодать, став символом предательства.

В истории словесности среди разнообразных поступков человека, оцениваемых как грехи в христианской этике, предательство является одним из самых тяжких. Его истоками могут быть разнообразные другие смертные грехи (сребролюбие, честолюбие, гордыня, и т. п.), то есть это некая квинтэссенция, вершина греховной пирамиды, «точка невозврата»,

¹В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова можно найти следующее толкование словам «верность, верный»: стойкость и неизменность в чувствах, соответствие истине, а также точность, надежность, преданность. Верный – тот, кто не предаст, не подведет и не изменит, надежный всегда и везде.

остро ощущаемая окружающими как особо тяжкий грех. Преступление может быть случайностью, следствием неосторожности, но предательство – никогда. Это всегда свободный выбор человека, выявляемый в замыслах и поступках.

Обращение словесного и живописного искусства к теме предательства в древнерусском пространстве стало предметом рассмотрения в исследованиях Д. С. Лихачева, Т. В. Безсолициной, Н. А. Сочневой, Т. А. Полетаевой. Но все перечисленные авторы затрагивали только одну сторону темы: предательство преимущественно рассматривалось в контексте княжеских преступлений в жанре летописи, жития, воинской повести. В основном исследования велись по линии сравнения противоположных нравственных категорий – веры и безверия, или предательство рассматривалось как политический акт, выступление против власти или святости. Между тем этот концепт гораздо шире по семантике: предаются не только веру, идею, но и самого человека, его чувства и страдания, и не только чужие, но и свои. Важность и неизученность образного воплощения противопоставленных концептов «верность» – «неверность», «преданность» – «предательство», безусловно, актуально.

Особенностью средневековой литературы является наличие в проповедях разного времени общих сюжетных мотивов, ориентированных на Библию. В связи с этим возникает необходимость соотнести, как они развиваются в проповеднических Словах XII и XVII веков, установить, меняется ли авторское отношение к этим категориям с течением времени и как это отражается в художественной организации проповедей.

В истории жизни Христа нашлось место и верным, и предателям, что описано в проповеди Кирилла Туровского «Слово о снятии тела Христова с Креста и о мироносицах на тему евангельскую, и похвалы Иосифа Аримафейского в неделю третью по Пасхе» [Туровский XII в. : 162], в проповеди «Поучение в субботу великую на погребение Иисуса Христа» из рукописного сборника «Статир» анонимного автора XVII в. [РГБ, «Статир» XVII в.], в Слове из Евангелия Учительного [Еванг. Уч. 1633 г.].

Эти произведения, каждое по-своему, развивают единый сюжет о снятии тела распятого Иисуса с креста. Наблюдаются совпадения элементов композиции: плач Богородицы, обращение Иосифа к Пилату, описание переживаний жен-мироносиц. Но есть определенные различия в построении композиции. У Кирилла Туровского более четкая сюжетная основа и логическая нарративная структура. Например, в его художественной логике плач Богородицы о сыне был услышан Иосифом Аримафейским, что послужило причиной его обращения к Пилату с просьбой отдать тело Учителя: «И си слышавъ Иосифъ приближися къ горко рыдающей Матери, – его же видѣвши мольбѣными тому оплѣташеся глаголы» [Туровский XII в. : 162], затем следует рассказ о мироносицах и заключительная часть – похвала Иосифу: «Похвалим ныня Иосифа приснопамятнаго, благообразнаго же и досточюднаго. Блажен еси поистинѣ, преславный и досточудный Иосифе, толика блага и велика богатства на земли и на небеси сподобься! Достойно послуживъ, яко и херувими, Божию телеси» [Туровский XII в. : 168]. В Слове XII века «Богородица перед крестом произносила длинную горестную речь, а потом обращалась с риторической просьбой к Иосифу, чтобы он пошел к Пилату. И тут Иосиф произнес перед Пилатом огромную проповедь» [Демин 2015: 84].

Слово XVII века начинается иначе: сначала идет в качестве вступления горестное причитание мироносиц и Иосифа о смерти Христа, далее Иосиф отправляется по собственному желанию к Пилату с просьбой о снятии тела Иисуса с креста. Собственное решение Иосифа продиктовано верностью учителю. Плач Марии в Слове XVII века словно проходит через весь текст и перекликается с горестными причитаниями самого Иосифа и плачем Марии Магдалины. Все Слово пронизано одной общей болью, одним безутешным, безысходным горем. Мать, скорбя о Сыне, обращается ко всему живому, к молодым и старым, всем способным сопереживать и почувствовать ее страдания. В тексте использован прием обращения: «О юноши, и вы со мною рыдайте, яко красота ваша и доброта измиѣнися. Да и вы, старцы»; «Плачьте со мною, херувимский и серафимский чины» [«Статир» XVII в. : л. 512].

Плач Марии в Слове XII века написан сложным возвышенным ритмизированным слогами: «И хотѣла быхъ с тобою умрети, – не терплю бо бездушна тебе зрѣти» [Туровский XII в. : 160]. В ее словах слышится укор и обвинение тех, кто оставил ее Сына умирать, кто его предал: «Вси ботя оставиша, ужикы же и друзи, Твоих Христе, насладивъшеся чудес. Кде нынѣ ликъ седмъ десятныхъ ученик? Кдѣ ли верховънии апостоли? Овботяльстию фарисѣомъ предаст, другый же страха ради пред архиерѣи с клятвою отвержеся, не зная тебе человекѣ» [Туровский XII в. : 160]. Таким образом, в Слове Кирилла Туровского словами Богородицы обличаются испугавшиеся, отступившие от Христа его ученики и друзья. Тем самым еще более значительным и героическим в этой антитезе на фоне действий других выглядит поступок Иосифа, не испугавшегося никаких возможных кар за свою верность и любовь к Христу.

Благодородство и преданность Иосифа Аримафейского восхваляются, безусловно, в обоих Словах. Однако благодаря словам Марии в тексте XII в. и финальному восхвалению его как верного ученика в конце Слова в тексте XII в. мотив преданности более четко выражен и становится одним из ключевых в памятнике. В проповеди XVII в. метафора «ученика небоязненное сердце» показывает отличие Иосифа от остальных предавших и бежавших в страхе учеников Христа.

Интересно на этом моменте обратиться к «Поучению в неделю святыхъ женъ мироносицъ» на эту же тему XVII века, но из другого источника – Евангелия учительного. Рассмотрим эпизод, в котором раскрывается, какой подвиг совершил Иосиф, чем выделяется его образ в этом тексте, какими фигурами речи сопровождается.

В Евангелии Учительном несколько иная композиция, чем в рассматриваемых гомилиях, практически сразу после вступления о празднике, на который написано Слово, переход к словам евангелиста Марка: «Во время оно рече евангелистъ Марко» [Еванг.Уч. 1633 г., л. 131]. С этого момента начинается описание подвига Иосифа, который «дерзнувъ выйде к Пилату и проси тѣло Иисусово» [Еванг.Уч. 1633 г. : л. 131]. Уже по своей семантике глагол «дерзнуть» (что значит отважно устремиться) многое говорит о значимости поступка верного ученика, который осмелился сделать то, что не совершили другие. Не случаен именно этот выбор лексемы в проповеди, поскольку из значимых деталей создается общая смысловая картина текста, цель которого эмоционально воздействовать на слушателей.

Далее повествование перемежается с толкованием написанного, в нем дается описание Иосифа и мотивация его действий – ученик совершает последнее воздаяние Учителю: «Волею неявленною и чистою мыслию, сего ради и по смерти Христовѣ послѣднее возданіе учителю подаеть» [Еванг. Уч. 1633 г. : л.132]. Как в слове Туровского, где в предательстве обличаются бежавшие ученики, так и в этой гомилии создается антитеза. Пилат – злонравный и жестокий, он передал Христа на смерть, а значит, предал. Иосиф – «благообразный сей и честный, и благовѣйный, и добродѣтельный муж, яко богатѣсмь и прославленъ» [Еванг.Уч. 1633 г. : л. 132]. Почему такими эпитетами награждается именно этот ученик? Все дело в верности: «...презрѣвъ вся видимая и самое тѣло свое яко чюже презрѣвъ любве ради...» [Еванг. Уч. 1633 г. : л. 132] – все оставил ради своей преданности Учителю, в этой речевой фигуре заложен идеал преданного ученика. Именно верность содержит в себе источник многих преображающих человека и его душу благ.

В целом различие посылов и пафоса проповеднических Слов XII и XVII веков возникает по той причине, что в «Статире» нет описания важного эпизода воскрешения Христа. Слово же XII в. заканчивается жизнеутверждающим описанием воскрешения Христа, радости от Его спасения, значит, и от спасения всего мира от первородного греха предательства. В Слове Кирилла Туровского перечислены евангелисты, писавшие об этом: Матфей, Марк, Лука: «Лука написа тако: «Зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отваленъ», и два ангела в них ставъша глаголаста: «Что ищите живаго с мъртвыми? Нѣстьде, нѣвъскръсе» [Туровский XII в. : 166]. Риторические фигуры, использованные Кириллом Туровским, создают в Слове атмосферу праздника и ликования:

«Уже бо вся съвършивъ Иус, въскрьсе боголѣпнѣ, и показася прѣже вас приходивѣшимъ женамъ, възывая красно: «Радуйтася!» [Туровский XII в. : 168].

Слово анонимного проповедника «Статир» лишено этого жизнеутверждающего пафоса, автор обращается к слушателям с призывами о скорби и плаче: «Плачите же и рыдайте и вы, православнии слушатели, источите обильныя токи слезъ, помышляющее Спасителю страсть и поносную смерть» [РГБ, «Статир»: л. 514]. Велика вероятность, что автора XVII в. на написание и переосмысление этого сюжета вдохновили реальные исторические события, которыми наполнена российская история того времени.

Восхваляя поступок Иосифа, описывая страдания Христа, Кирилл Туровский завершил слово картиной воскрешения и восхвалением верного ученика Иосифа, а автор «Статир» делает акцент на гибели Иисуса, стремится вызвать страх и скорбь у слушателей, показывая, как без вины страдал Христос за людской род из-за предательства. И чем больше любви и верности, тем больше скорби и горя. Один и тот же сюжет в двух проповедях имеет различное построение, но одно осталось неизменным – отношение авторов.

С течением веков оценка предательства не изменилась: оно все так же осталось порицаемым страшным поступком. Верность же оставалась высоко ценима как в тексте XII, так и в текстах XVII вв. Можно сделать выводы о преемственности авторов XVII века многих художественных приемов творца XII века: высокая образная наполненность текста, линейное и постепенное разворачивание метафор. Таким образом, в рассмотренных памятниках выделяются общие места, христианский контекст. Однако акценты с течением времени смещаются, еще большее внимание уделяется внутренней мотивации поступков, совершаемых героями.

А. С. Демин отмечено, что с начала XVII века понемногу усиливалась собственно социальная содержательность тем [Демин 1991: 55], следовательно, одна из важных черт этого столетия в литературе – обращенность к общественным изменениям и месте личности в них. «Сложность человеческого характера становится предметом особого внимания писателей. Сильные и сложные характеры были в русской истории всегда, но лишь с начала XVII в. перед писателями встала особая задача их замечать и описывать» [Лихачев 1958: 24]. Мотив противоборства верности и предательства в XVII веке усиливается остротой внутреннего конфликта, особое внимание обращено на моральный выбор отдельного индивида – остаться верным или нарушить все обеты.

Литература

Безсолицина Т. В. Феномен предательства в русской культуре. Диссер. на соискание уч. ст. канд. философских наук. СПб, 2008. 179 с.

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-predatelstva-v-russkoi-kulture> (дата обращения: 20.04.2022)

Библия в церковнославянском и синодальном переводах. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 15.04.2022)

Демин А. С. Древнерусская литература. Изображение общества. М. : Наука. 1991. 244 с.

Демин А. С. Древнерусская литература как литература. О манерах повествования и изображения. М. : Языки славянской культуры. 2015. 488 с.

Евангелие Учительное, 1633 г. Кадр 131–137. [Электронный ресурс]. URL: https://txt.drevle.com/text/evangelie_uchitelnoe-1633/3 (дата обращения: 20.04.22)

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л. : Изд-во АН СССР. 1958. 186 с.

Поletaева Т. А. Концепт «предательство» в Библии и Коране // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 3. С. 429–441.

Послание Иакова: 1:17. [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/verse/45/1/17/> (дата обращения: 19.04.2022)

РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир», XVII век. Л. 506–514 (2 счета).

Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. 4. 687 с.

Zubko K. V. Loyalty and betrayal in Orthodox Sermons about the Crucifixion of Christ

Abstract. The article is devoted to the analysis of a previously unpublished monument of Russian literature – a sermon on the burial of the Son of God and the fidelity of Joseph of Arimathea from the manuscript collection «Statyr» (late 17th century) in comparison with the Word of Cyril of Tours on the same topic (12th century) and the Teaching Gospel of 1633. The aim is to understand the variety of problems of fidelity and betrayal, their implementation in the artistic images, to reveal the authorial attitude, expressed in the poetics of the work.

Keywords: fidelity, betrayal, preaching, feat, Old Russian literature.

М. И. Максимова

(научн. руководитель Л. С. Соболева)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Развитие понятия таланта в древнерусских толкованиях Евангельской притчи

Аннотация. Семантика слова «талант» и представление о самом явлении на протяжении веков претерпевали изменения. Значения, привычные для современного человека, зачастую отсутствовали или трактовались иначе в древней и средневековой традиции. В свою очередь смысловые компоненты, являющиеся неотъемлемыми от понятия *талант* для проповедников предыдущих веков, с течением времени уходят на второй план или вовсе исчезают в результате переосмысления концепта. Задача исследования – выявить характерные для разных веков грани понимания *таланта* и проследить путь изменения его места в национальной концептосфере.

Ключевые слова: талант, концепт, концептосфера, проповедь, проповедник (учитель).

Прежде чем начать разговор о концепте *талант* и его месте в концептосфере русского языка, определимся, что имеется в виду под понятиями «концепт» и «концептосфера». Ю. С. Степанов называет концепт «как бы сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2004: 43]. На примере концепта «закон» он поясняет: «Тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово закон, и есть концепт "закон"» [там же]. Относительно понятия «национальная концептосфера» опираемся на определение Д. С. Лихачева, где концептосфера – это совокупность концептов, «концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности» [Лихачев: URL]. В концептосферу могут входить другие, меньшие концептосферы.

Чтобы проследить, как с течением времени меняется значение понятия *талант*, рассмотрим проповеднические тексты разных веков, а также словарные материалы.

В «Словаре синонимов русского языка» слово «талант» относится к синонимическому ряду «способность, дар, дарование, талант». Общее значение этих слов – «прирожденные ярко выраженные задатки к какой-л. деятельности, творчеству и т. п.» [Словарь синонимов 1971: 482]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим следующие значения слова: «1. Выдающиеся врожденные качества, особые природные способности. *Т. актера. Музыкальный т.* 2. Человек, обладающий такими качествами, способностями. *Молодые таланты*» [Ожегов, Шведова 2017: 754]. В современных словарях уже не выделяется первоначальное значение единицы веса и денежной единицы. При этом в русском языке есть фразеологизм «зарыть талант в землю»,